

П.В. УСАНОВ

Феноменология как основание политической экономики

В статье рассматривается философское обоснование современной экономической теории, а также исследуются два возможных решения проблемы обоснования микроэкономики. В первом случае речь идет о позитивизме как об основании микроэкономики, во втором – о феноменологическом основании политической экономики австрийской школы. Намечаются перспективы развития субъективного метода в экономической теории. Особенность этого метода состоит в том, что все понятия экономической теории и теории деятельности выводятся дедуктивным путем из аксиомы деятельности. Сама же аксиома основана на феноменологической редукции и является первофеноменом.

Ключевые слова: феноменология, праксиология, австрийская экономическая школа, методология, психология.

Современная экономическая теория основывается на фундаментальном принципе, в соответствии с которым все процессы, описываемые на макроэкономическом и институциональном уровне, должны быть обоснованы микроэкономическими моделями. Не существует экономических процессов, которые бы не являлись результатом человеческой деятельности – это основной методологический принцип последовательного индивидуализма. Однако есть основания полагать, что данный принцип проводится недостаточно последовательно, несмотря на наличие моделей (например, перекрывающихся поколений), которые содержат в себе не агрегаты, а решения экономических агентов, наделенных некими априорными и неизменными свойствами. Если макроэкономика занимается изучением тех же процессов, что протекают и в микроэкономике, то их отличие будет не в предмете, а в методе, и, таким образом, если микроэкономика характеризуется методом индивидуализма, то макроэкономика – холизма. То есть нельзя считать последовательной ту теорию, которая, стремясь последовательно проводить принципы индивидуализма, использует холистические структуры для объяснения экономических феноменов.

Так как проблема оснований макроэкономики – частный случай проблемы оснований вообще, то важно разобраться в том, что является основанием самой микроэкономики, которая императивно претендует на монополию в объяснении экономических процессов. Выяснив это, станет возможным понять, неизбежна ли дихотомия методов индивидуализма и холизма и существует ли альтернативное понимание этих проблем в экономической теории. Попробую дать развернутый ответ на поставленные вопросы.

Усанов Павел Валерьевич – кандидат экономических наук, доцент департамента экономики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург), директор Института экономики и права им. Ф. фон Хайека. Адрес: Кантемировская ул., д. 3, Санкт-Петербург, 190008. E-mail: usanovpv@mail.ru.

Позитивизм и экономическая наука

Нельзя с полной уверенностью утверждать, что современный мейнстрим опирается в своих методологических принципах на позитивизм, тем более что последний очень по-разному интерпретируется наиболее известными представителями данного течения. Позитивизм М. Фридмана и П. Самуэльсона серьезно отличается от позитивизма Т. Куна или И. Лакатоса. Но всех их объединяет убеждение в том, что существует “правильный” метод исследования экономики, который в то же самое время является и единственно научным. Стремление разграничить научное знание от метафизики – один из основных вопросов позитивизма во всех его версиях: верификационизма, фальсификационизма, инструментализма и т.д.

Так как мейнстрим отделяет себя от всех “ненаучных” течений принципом фальсификации, можно с уверенностью утверждать, что позитивизм нужен мейнстриму для сохранения своей монополии на научность, а также для того, чтобы иметь философское обоснование микроэкономики. Хотя представители современного мейнстрима не очень высоко ставят философские исследования и методологию, все же ничто кроме позитивизма не может заполнить нишу под названием “методология мейнстрима”. Следует, правда, упомянуть, что практически никто не придерживается данного принципа последовательно, но это, видимо, и не нужно, так как фальсификационизм не требует немедленного соответствия своим стандартам, он требует лишь их безоговорочного признания. Тогда вы попадаете в сообщество “правильных” ученых, даже если ваши результаты гораздо менее значительны, чем результаты тех, кто занимается метафизикой.

Позитивизм пришел в экономическую науку вследствие феноменальных достижений естественных наук. Так как метод естественных наук был ориентирован в Новое время на последовательное искоренение всякой метафизики и мифологии из научных исследований, то когда очередь дошла до общественных наук, наиболее сильные и влиятельные ученые полагали, что в этой области не нужно “выдумывать велосипед”, а просто перенять метод тех наук, которые показали наибольшую результативность. Так сформировался канон научности, заключающийся в том, чтобы переносить метод естественных наук в науки об обществе. Эту тенденцию в книге “Контрреволюция науки” Ф. фон Хайек называл сциентизмом, отмечая, что его суть состоит в некритическом перенесении метода естественных и инженерных наук в науки о человеческой деятельности [Хайек 2003]. Вера в человеческий разум привела к убеждению, что необходимо подчинить ему не только силы природы, но и социальные силы. Именно в этом направлении формировалась в XX в. социальная инженерия, именно на этих “единственно научных и партийных принципах” формировалась экономическая политика в Советской России.

В вышеуказанной книге Хайек продемонстрировал связь между позитивизмом, сциентизмом и конструктивизмом. Позитивизм отрицает априорное знание, так как оно не подчиняется принципу фальсификации. Отрицая априорный характер экономической теории и социальных наук в целом, позитивисты полагают, что нет принципиальных отличий в методе естественных наук от метода наук о человеческой деятельности (см. [Фридман 1994]), то есть нет принципиальных оснований для отвержения метода инженерных наук в исследовании экономических процессов. Если же мы перенимаем методы инженерных наук в экономике, то и специфика языка, и специфические цели инженера оказываются чертой социального исследователя. Его лозунг – “Понимать, чтобы предсказывать. Предсказывать, чтобы управлять” (О. Конт).

Таким образом, теоретическое знание становится подчиненным практическим интересам. Это естественно в чисто инженерных науках: ведь мы ждем от специалиста в данной области создания материальных объектов, которые бы служили нашей пользе. Однако социальный инженер, некритически перенося свои установки в социальные науки, подспудно начинает мыслить в категориях Парето-эффективности и прочих статических моделей. В результате возникает “философия инженеров” (это, в сущности,

и есть методологическое основание микроэкономики), цель деятельности которых – создание экономических механизмов, обеспечивающих эффективное по В. Парето равновесие, что есть иное выражение для конструктивизма. Пагубные последствия такого подхода состоят в том, что социальные инженеры претендуют на обладание тем знанием, которым в действительности никто не обладает и не может обладать. Их пагубная самонадеянность порождает стремление к замене спонтанно сложившегося порядка на тот, который является лишь плодом их воображения [Hayek 1988]. Такой порядок оказывается нежизнеспособным, а для человеческой деятельности он провоцирует систематическую агрессию против предпринимательства и творчества [Уэрта де Сото 2008].

Таким образом, позитивизм, если последовательно его продумать, неизбежно приводит к конструктивизму. Тот же позитивист, который хочет сохранить веру в свободный рынок, соединив ее с позитивизмом, либо наполняет позитивизм метафизикой (то есть оказывается непоследовательным позитивистом), либо разрабатывает средства для повышения эффективности вмешательства в механизм рынка (что является непоследовательной верой в свободный рынок). Кратко это можно сформулировать как положение: *последовательный позитивизм несовместим с последовательным либерализмом*.

Отдельный вопрос, который следует рассмотреть более подробно, – вопрос о том, может ли позитивизм быть основанием экономической теории.

Позитивизм претендует на то, чтобы быть методологией всех наук, но методология это не просто нечто независимое от знания в отдельных областях, это еще и часть философии. В этом смысле можно говорить, что методология позитивизма – часть философии позитивизма. То есть позитивизм – одна из версий метафизики. В то же время позитивизм отрицает всякую научную ценность нефальсифицируемого знания. Последнее утверждение относится и к одной из версий философии – к позитивизму. Таким образом, позитивизм отрицает то, что сам же пытается утвердить. Позитивизм – это всего лишь логическая ошибка, он не хороший или плохой метод или философия, он лишь просто невозможен. Это своего рода теорема о невозможности позитивизма как методологии.

Позитивизм часто апеллирует к своей любви к научности. Но ведь и любой позитивист согласится с тем, что быть ученым и позитивистом – не одно и то же. Почему же другие ученые выбирают иную методологию? Должен ли выбор этой методологии основываться на тех же принципах, что и сама методология позитивизма? Если да, то позитивизм будет фальсифицирован, так как большая часть ученых-экономистов его нарушают. Если нет, то он ничем не лучше других неопровержимых метафизических систем. Чем же эта версия методологии лучше? И по какому критерию мы должны оценивать эффективность методологии? Видимо, данная оценка будет частным случаем процесса подбора адекватных средств для достижения поставленных целей. Если цель – понять природу экономических процессов и познать сущность экономических феноменов, то позитивизм здесь не может быть в помощь, так как для него эти вещи недоступны. Если же цель – перенесение методов инженерных наук в науку о человеческой деятельности, то позитивизм может дать многое, а именно, защитить социальных инженеров от критики и конкуренции посредством апелляции к научности.

Психологизм в экономической теории

Еще одна попытка методологического обоснования мейнстрима имеет психологические корни. История взаимоотношений экономической теории и психологии довольно длинна и однообразна¹. Она состоит в том, что экономисты пытаются защититься от психологизма, а психологи – совершить экспансию в область экономических исследований за счет развития прикладной психологии. Спор о психологии и экономике носит характер не только междисциплинарный, но и методологический.

¹ Еще Дж. С. Милль полагал, что логика является ветвью психологии.

Дело в том, что экономическая теория, будучи частью Логики человеческой деятельности (праксиологии), носит характер априорной науки, и проблема соотношения логики человеческой деятельности и психологии – частный случай проблемы психологического обоснования логики. Эту проблему психологизма в логике превосходно раскрыл Э. Гуссерль в своих “Логических исследованиях” (особенно в первом томе) [Гуссерль 2001^b; Гуссерль 2011]. Нуждаются ли законы формальной логики в эмпирическом обосновании? Если да, то какая наука может нам дать эти основания? Представители психологизма полагают, что все знания носят эмпирический характер, а значит, и логика должна иметь эмпирические основания. Детская психология, антропология и физиология могут дать нам ответ на вопрос о феномене законов логики посредством изучения того, как они возникают у детей в период формирования сознания.

Однако ученый, направляющий свое внимание на область психического, должен уже исходить из того, что предмету его изучения присуща некая логика, в противном случае он не сможет исследовать свой объект. По меньшей мере, он должен предполагать наличие самого объекта, а ведь в области психического не так просто даже определить базовые понятия и разграничить феномены (например, сознание и подсознание). То есть психологическое обоснование логики приводит нас к необходимости предполагать логические законы, но именно их и пытается обосновать психологизм. Таким образом, мы получаем регресс в бесконечность, единственный способ избежать которого – отказаться от психологического обоснования логики и поискать для этого другие средства.

В экономической теории ситуация похожая. Развитие методов экспериментальной психологии и экономики приводит к тому, что некоторые талантливые исследователи не избегают психологизма в изучении экономических процессов. В качестве такого примера можно привести крайне интересную работу А. Раквиашвили, где намечается линия критического отношения к рациональности человеческой деятельности [Раквиашвили 2010]. Такая линия приводит нас к отрицанию ее логики и попытке отказа от априорности экономической теории. Нельзя сказать, что данное направление избегает всех последствий психологизма, так как привнесение понятия иррационализма есть внедрение в экономическую теорию и скептицизма, и иррационализма. Если мы до конца продумаем понятие нерационального, то придем к оценочному суждению, которое будет состоять в том, чтобы давать моральную оценку деятельности другого субъекта, а она всегда носит произвольный характер. Но такая произвольность вряд ли допустима в науке, которая стремится быть последовательно этически нейтральной.

Решение вышеназванной проблемы состоит в том, чтобы искать обоснование логики не в психологии, а в феноменологической теории познания, которая, не допуская регрессии в бесконечность, дает твердое основание для логики человеческой деятельности, являющейся частным случаем логики как таковой.

Экономическая теория и феноменологическая теория познания

Истоки феноменологии мы можем обнаружить еще у Ф. Brentano, который ввел понятие интенциональности в психологии и философии еще до Гуссерля. Правда, он не смог избежать психологизма, с которым боролся Гуссерль. Кроме того, Гуссерль отдает должное Б. Больцано и его “Наукоучению”, довольно странно определяющему логику как “науку, которая указывает нам, как целесообразно излагать науки в учебниках” [Гуссерль 2011]. Но глубинная разработка этого вопроса и создание феноменологического движения – несомненная заслуга основоположника феноменологии. Именно Гуссерль ввел понятия феноменологической философии, такие как интенциональный объект, феноменологическая редукция, ноэзис и ноэма, жизненный мир и так далее. В данной статье я не буду подробно разбирать принципы феноменологической философии и ее эволюцию (подробнее см. [Усанов 2010]), а сосредоточу внимание на том, что феноменология является основанием экономической теории.

Одним из учеников Гуссерля, развивавшим феноменологический подход в социальных науках, был А. Шюц [Шюц 2004], чьи исследования по социальной феноменологии 1932 г. особенно ценил его учитель. Следует отметить, что сам Гуссерль в пятом из “Картезианских размышлений” исследовал феномен интерперсональности, но на путях монадологии Г.-В. Лейбница [Гуссерль 2001^a, с. 9]. Сама проблема солипсизма, в котором обвиняли феноменологию, разрешалась за счет использования двухсторонней феноменологической редукции (лекции Гуссерля) [Гуссерль 2004, с. 298–300]. Но Шюц был не единственным представителем феноменологического движения, занимающимся социальными науками. Одним из его ближайших соратников по феноменологическому движению был А. Райнах [Райнах 2006], чьи труды были особенно близки к идеям как Э. Гуссерля, так и Л. фон Мизеса и Ф. фон Хайека. Райнах интересовался теми вещами, которые были предметом рассмотрения Хайека в 1970-е гг. в книге “Право, законодательство и свобода” [Хайек 2006]. Это вопросы теории права, правового состояния и естественного закона.

Ни Шюц, ни Райнах не занимались экономической теорией, феноменологическое обоснование которой их мало интересовало. Однако их рассуждения могут быть ценными для понимания того, как может сформироваться феноменологическое обоснование в других социальных науках. Так как меня в данной статье интересует прежде всего австрийская экономическая школа и праксиология как основание экономической теории, то крайне полезно обратиться к теме построения аксиом в праксиологии и экономической теории для того, чтобы провести последовательно заявленный Мизесом принцип – “все положения праксиологии выводятся дедуктивным путем из аксиомы человеческой деятельности”.

В этом отношении крайне интересны суждения Ю. Кузнецова по проблеме аксиоматики в праксиологии, прозвучавшие на одном из семинаров. В частности, он полагает, что так как геометрия – одна из наук, имеющих наибольшую историю построения аксиоматического ряда, то можно провести параллель между праксиологией и геометрией. Мне же представляется, что совершенно не случайно Мизес настаивает на логическом, а не на геометрическом характере аксиом человеческой деятельности, и нам следует рассматривать аксиомы геометрии как частный случай построения аксиоматического ряда. То есть, с феноменологической точки зрения, геометрия – лишь один из наиболее разработанных разделов априорных наук. Тем более что априорный характер наук не геометрических на сегодняшний день наименее разработан и, как мне представляется, наиболее перспективен, ибо проект последовательной субъективной априорной науки пока не был вполне реализован, за исключением работы Мизеса.

Априорность может рассматриваться двояко. Либо как нечто, что не существует в реальности, а является лишь плодом деятельности нашего разума и воображения. Мне такое определение представляется страдающим психологизмом. Кстати, именно так, как правило, определяют априорный метод в социальных науках сторонники позитивизма. Либо под априорностью вслед за Аристотелем следует понимать сущность какого-либо явления или процесса. В этом отношении феноменология – наука о сущностях, а глубинная экономическая теория должна основываться на исследовании этих сущностей, по своей природе эмпирически не обнаруживаемых, но тем не менее, доступных человеческому познанию посредством эйдетической интуиции.

Трактат Мизеса по экономической теории “Человеческая деятельность” начинается с аксиомы, из которой последовательно выводятся все положения как праксиологии, так и экономической теории [Мизес 2005]. В ней имплицитно содержатся все теоремы экономической теории и все понятия: денег, процента, капитала, предпринимательства и так далее.

Как прийти к очевидности и аподиктической достоверности аксиомы деятельности? Что является источником этой аксиомы? Принято выделять три источника данного априорного знания, но следует сказать, что все эти источники видны лишь при прокурсивном рассмотрении данного вопроса.

Во-первых, утверждение “человек действует” основывается на здравом смысле. Нелепо утверждать обратное, так как это означало бы, что “никакой человек не действует”, в том числе и утверждающий это. Но это невозможно, так как утверждение чего-либо есть один из видов действительности. Возможен вариант “некоторые люди не действуют”, но тогда нам будет нужен критерий разграничения деятельности от не-деятельности. Такой критерий вряд ли может существовать.

Во-вторых, аксиома деятельности основана на наблюдении как за своей деятельностью, так и за деятельностью других людей. Мы смотрим вокруг и видим множество индивидов, перемещающихся в пространстве и времени, мы отделяем их от других объектов, так как на личном опыте знаем, что за этим стоит индивидуальный выбор. В-третьих, источник информации об аксиоме деятельности – интроспекция, самонаблюдение. Мы можем направить акт своего внимания на процессы, происходящие в нашей психике и вне ее, и это убедит нас в том, что мы “действуем”.

При рекурсивном рассмотрении источника данной аксиомы мы приходим к вопросу о том, как она возникла в сознании творца праксиологии и как она возникает в нас. Ответить на него можно, обращаясь к биографии творца праксиологии (см., например, в биографии [Хьюлсман 2013]) или же находясь на путях осмысления того, что Гуссерль называл феноменологической редукцией. Представляется малоперспективным вычитывать в дневниках и записях Мизеса, его друзей и родственников, в какой момент и как его озарила идея праксиологии. В лучшем случае такое исследование прольет свет на эмпирический факт исторического возникновения праксиологии в сознании Мизеса, наподобие того, как существуют легенды открытия закона всемирного тяготения И. Ньютоном и таблицы химических элементов Д. Менделеевым. Но это будет иметь мало ценности, кроме интереса чисто эмпирического. Думается, мы можем углубить свое индивидуальное понимание праксиологии на основе последовательного применения феноменологической редукции в науках о человеческой деятельности.

Прежде всего выясним, что из себя представляет феноменологическая редукция. Она понимается Гуссерлем как последовательное “вынесение за скобки” всего несущественного, всего, что может быть подвергнуто сомнению и носит акцидентальный и эмпирический характер. Это означает придание временного индекса обнуления всему знанию, которое на данный момент существует, для обретения аподиктически достоверного знания. После того, как мы последовательно вынесли за скобки все наносное и случайное, все мешающее эйдетическому восприятию вещи и идеи, мы обретаем чистый феномен, который и должны последовательно подвергнуть дескрипции. Знание, добытое таким путем, будет носить априорный характер в аристотелевском смысле слова.

Этот путь возможен и в Логике человеческой деятельности. Для обнаружения чистого феномена в науках о человеческой деятельности, чтобы в акте эйдетической интуиции схватить сущность социального феномена, нам необходимо последовательно вынести за скобки все, что может быть подвергнуто сомнению. Причем существование социальных структур мы также должны временно обнулить, чтобы их позже правильно описать. Феномен ценности, с которого начинались трактаты по экономической теории до Мизеса, также должен быть подвергнут обнулению, ибо сам должен быть обоснован априорной истиной. Что же останется не вынесенным за скобки, если мы подвергнем наши конструкции феноменологической редукции? Какой феномен будет перед нами, если мы усомнились в существовании социальных структур, денег и ценности? Можно ли еще что-то помыслить, кроме чистого феномена деятельности? Останется только он. Теперь задача будет состоять в том, чтобы усмотреть содержание в этом понятии, то есть провести экспликацию того знания, которое имплицитно содержится в понятии деятельности.

Таким образом, праксиология Мизеса может быть обоснована посредством феноменологии Гуссерля, феноменологическая редукция которого подводит нас к восприятию богатого содержанием понятия “человеческая деятельность”. Мы получаем стройную теоретическую конструкцию: экономическая теория имеет свое обоснова-

ние в праксиологии, а праксиология находит философское обоснование в феноменологической теории познания, которая является мостиком между реальностью и нашим знанием о ней.

Если мы сравним эту иерархию понятий и последовательную их конструкцию с тем, что содержится в мейнстриме, то увидим, что в последнем ее в принципе нет. Так как основной принцип мейнстрима – быть “ящиком с инструментами”, последовательного выведения одного понятия из другого в случае функционального исследования и не требуется, поэтому мейнстрим не есть теория.

Иногда звучит аргумент: феноменологическая редукция – это то же самое, что и процесс абстрагирования, хорошо известный всем ученым. Однако есть существенное отличие. Дело в том, что абстрагирование, с точки зрения феноменологии, есть непоследовательная и ошибочная попытка осуществить феноменологическую редукцию, когда исследователь не доходит до чистого феномена, и то, что он описывает, является смешанным феноменом из эмпирического и априорного, причем эмпирическое начинает мстить за себя тем, что последовательная теория становится просто невозможна. Если представитель мейнстрима последовательно проведет феноменологическую редукцию в экономической теории, то он обнаружит, что его теория нуждается в радикальном реформировании на совершенно иных основаниях, которые потребуют полной перестройки его представлений, так как они окажутся произвольными домыслами теоретика, не понявшего сущность первофеномена.

Еще один вопрос, которого мы можем коснуться лишь вскользь, – проблема полноты индукции и еще не вполне осознанная проблема полной дедукции. В мейнстриме, основывающемся на представлении о том, что все знание должно носить апостериорный характер, до сих пор существует методологическая проблема, которую со времен Дж.С. Милля принято называть “проблемой полной индукции”, когда невозможно сформулировать ни одного закона, который бы не имел перспектив быть опровергнутым, так как в будущем возможно событие, способное опровергнуть все знания, которыми мы обладаем сейчас. Любой закон носит вероятностный характер и не может быть защищен от опровержения фактами. Тогда наука в любой момент времени не является чем-то, находящимся ближе или дальше к истине, так как у нас нет и никогда не будет этого критерия. Таким образом, эта проблема переводит все наши знания в прошлом, настоящем и будущем в сферу недостоверного и всегда сомнительного. А деятельность ученого оказывается безрезультатной не только в данный момент времени, но и всегда, так как в принципе не может быть ситуации, при которой мы совершили полную индукцию, требующую всех фактов. Но мы ими не обладаем и никогда не будем обладать.

В противоположность этому подходу существует проблема полной дедукции, когда мы выводим все теоремы из первоначальной аксиомы, но это будет означать такое расширение теории, которое приведет к совпадению ее с реальностью. Но теория не может стать реальностью по вполне понятным причинам. Тем не менее она может подвести нас к решению новых задач в рамках праксиологии. Ведь ее перспективы могут заключаться либо в более последовательном изложении аксиом и теорем, без принципиальных открытий, либо праксиология будет прирастать за счет более глубокой и всеохватывающей дедукции. Причем под последней следует мыслить априорно-дедуктивную науку в феноменологическом, то есть аристотелевском, смысле. Таким образом, задача осуществления априорно-дедуктивного проекта будет состоять в углублении эйдетической интуиции, которая бы раскрывала нам новые первофеномены человеческой деятельности.

Приведу пример возможности большего прояснения смысла такого феномена, как деньги, в рамках праксиологии Мизеса. Феномен денег обычно рассматривается как то, что неразрывно связано с выполняемыми деньгами функциями: средство обращения, мера стоимости, средство сбережения, средство платежа. Эти функции денег продолжают перечисляться во всех учебниках по экономической теории, несмотря на то, что они были разработаны в рамках объективистской версии политической экономии

К. Маркса. Если мы подвергнем феномен денег процедуре схватывания сущности за счет последовательной феноменологической редукции, то должны будем рассмотреть следующий вопрос. Возможно ли себе помыслить феномен денег без выполнения ими данной функции?

Что касается меры стоимости или ценности, то эта функция может выполняться деньгами, только если стоимости или ценности в обмене равны, но более глубокий уровень теории, а именно – теория ценности, демонстрирует нам, что это в принципе невозможно, так как для обмена необходимо неравенство ценностей благ для обменивающихся сторон. Можно ли иметь единицу измерения того, что неизмеримо?

Являются ли деньги средством сбережения? Можно ли помыслить деньги, не выполняющие данные функции? Вполне, так как деньги могут и не сберегаться, а тратиться, а кроме того, не только деньги могут выполнять данную функцию. Сохранение ценности во времени зависит от ценности металла, из которого они изготовлены. Сущность денег не может состоять в том, что они – средство сбережения.

Что касается функции денег как средства платежа, то она ничем не отличается от функции средства обращения, кроме того, что подразумевает разрыв между актом получения товара и платежа по нему. То есть эта функция сводится к более широкой функции средства обращения.

Остается последняя функция денег – средство обращения. Если мы отделим эту функцию от денег, то от них ничего не останется, так как их сущность заключается именно в том, чтобы облегчать обмен. Отсюда спонтанно возникает потребность в универсальном средстве косвенного обмена.

Таким образом, деньги выполняют лишь одну функцию – функцию универсального средства обращения. Этот вывод совпадает с понятием денег у Мизеса в “Человеческой деятельности”, и он имеет принципиальное значение в вопросе о том, кто создает деньги. До сих пор господствует представление, что деньги создаются центральным банком и системой коммерческих банков. Но действительно ли то, что они создают, является универсальным средством косвенного обмена? Или же они создают фидуциарные средства обращения? Видимо, верно последнее. Они создают не деньги, а приказы центрального банка, приказы считать ничем не обеспеченные обязательства универсальным средством платежа, что и порождает цикл “бум–кризис”. Однако и фиатные частные деньги не могут претендовать на многое, так как частные банки, не выпускающие товарные деньги, будут также создавать не деньги, а их суррогаты. В действительности, деньги могут создаваться лишь предпринимателями, извлекающими золото или серебро из штолен. Именно в них создаются деньги, но не благодаря труду рабочих, а благодаря проявлению предпринимательской алертности. Никто не может решить за общество, что считать деньгами *a posteriori*, но можно это установить *a priori*. Деньги не создаются банками, а лишь хранятся и обращаются благодаря им. То, что создают банки, деньгами не является.

В завершение данной статьи мне бы хотелось привести в качестве примера развернутую версию основных положений субъективной политической экономии в виде “Дерева аксиом”, где из основного положения (аксиомы человеческой деятельности) выводятся основные категории экономической науки. Автор данной работы осознает, что это “Дерево аксиом” содержит в себе не только “аксиомы”, но и теоремы и положения (см. Приложение). Однако они относятся к аксиоме деятельности так же, как дерево к желудю, то есть выступают органическим следствием первофеномена деятельности.

Таким образом, феноменология Гуссерля может быть полезной при исследовании априорных структур экономической теории и праксиологии. Дальнейшее развитие политической экономии австрийской школы, как мне представляется, будет зависеть от способностей представителей данного направления к последовательному проведению принципа феноменологической редукции в экономической теории.

“Дерево аксиом”

политической экономики австрийской школы

Основные положения политической экономики австрийской школы, изложенные в абстрактно-дедуктивном виде в 26 тезисах (аксиомах человеческой деятельности) и 50 понятиях, связанных друг с другом и выводящихся из первой аксиомы, охватывающих логически всю область наук о человеческой деятельности.

Логика человеческой деятельности

(0. *Феноменология*² как философское обоснование политической экономики австрийской школы).

1. *Человек действует.*
2. *Человек действует во времени. Это время протекает субъективно.*
3. *Человек оценивает все с точки зрения своего субъекта, по отношению к себе.*
4. *Человек ценит текущее обладание благом более высоко, чем то же благо в будущем (принцип временного предпочтения).*
5. *Действуя во времени, человек совершает выбор.*
6. *Совершая выбор, человек стремится устранить страдание, являющееся следствием невозможности удовлетворить потребность.*
7. *Совершая выбор, он отказывается от всех других альтернатив поведения (закон альтернативных издержек).*
8. *Совершая выбор в экономической сфере, человек стремится извлечь выгоду из обладания экономическими благами.*
9. *Извлекая выгоду, человек удовлетворяет свою потребность.*
10. *Интенсивность потребности и ценность блага убывают по мере увеличения запаса данного блага.*
11. *Человек оценивает ценность блага по последней единице блага.*
12. *Ценность последней единицы блага определяется тем, какая потребность окажется неудовлетворенной, если этого блага не будет в распоряжении (закон предельной полезности).*
13. *Человек производит для того, чтобы потреблять. Производство предшествует потреблению (невозможно потратить то, что еще не существует³).*
14. *Для производства человек создает капитальные блага. Их ценность определяется ценностью конечного продукта (блага первого порядка). Капитал – это межвременная структура промежуточных благ (структура производства).*
15. *Человек производит столько благ (количество), сколько необходимо для минимизации его страданий.*
16. *Часть продукции человек производит для прямого потребления (потребительная ценность), часть для обмена (меновая ценность).*
17. *Меновая ценность блага для двух субъектов (прямой обмен) определяет пропорцию обмена и дисперсию (разброс) цен.*
18. *Косвенный обмен происходит за счет товара, выполняющего функцию средства обращения лучше остальных.*
19. *Относительная цена на рынке определяется предельной парой обмениваемых.*
20. *Товар, обладающий наибольшим спросом в данном регионе и в данное время, – это деньги.*
21. *Цена факторов производства и доход определяются рыночным процессом, в результате деятельности покупателей и продавцов.*
22. *Заработная плата, процент и рента – следствие сложившейся структуры производства. Особая роль процента состоит в том, что его величина определяет величину заработной платы и ренты за счет дисконтирования будущего дохода.*

² Курсивом выделены понятия (всего их в данном тексте 50), используемые в политической экономике австрийской школы; жирным шрифтом выделены важнейшие положения австрийской школы.

³ Это важное положение в полемике против кейнсианской политики стимулирования потребления как одного из источников экономического роста.

23. *Предприниматель* комбинирует факторы производства так, что ценность конечного продукта оказывается для потребителя выше, чем ценность факторов производства, использованных в его производстве. За это он получает *прибыль*, проявляя свою *алертность*.

24. **Предприниматель**, используя *рассеянное знание*, порождает *спонтанный порядок человеческого сотрудничества*, а также **способствует росту благосостояния всего общества, а не только самого предпринимателя**.

25. *Правовой порядок* (естественные права) является элементом и следствием спонтанного порядка человеческого сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуссерль Э. (2001^a) Картезианские размышления. СПб.: Наука.

Гуссерль Э. (2011) Логические исследования. Т. 1. Прологомены к чистой логике. М.: Академический Проект.

Гуссерль Э. (2001^b) Логические исследования. Т. 2. Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Дом Интеллектуальной книги.

Гуссерль Э. (2004) Основные проблемы феноменологии. СПб.: Издательство СПбГУ.

Мизес Л. (2005) Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум.

Райнах А. (2006) Априорные основания гражданского права // Антология реалистической феноменологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы. С. 543–614.

Раквиашвили А. (2010) Либерализм: эволюция идей. М.: ЛЕНАНД.

Усанов П. В. (2010) Феноменология как метод политической экономии австрийской школы // Субъективная политическая экономия, философия и творчество. СПб.: Инфо-да. С. 82–99.

Уэрта де Сото Х. (2008) Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. Челябинск: ИРИСЭН, Социум.

Фридман М. (1994) Методология позитивной экономической науки // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. № 4. С. 20–52.

Хайек Ф. (2003) Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ.

Хайек Ф. (2006) Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН.

Хюльсман Г. (2013) Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса. М.–Челябинск: Социум.

Шюц А. (2004) Смысловое строение социального мира // Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия.

Hayek F.A. (1988) *The Fatal Conceit. The Errors of Socialism*. London: Routledge.

Phenomenology as the Basis of Political Economy

*P. USANOV**

* **Usanov Paul** – PhD in Economics, associate professor of the Department of Economics at National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg), head of the Hayek Institute for Economy and Law. Address: 3, Kantemirovskaya st., St. Petersburg, 190008, Russian Federation. E-mail: usanovpv@mail.ru.

Abstract

This article contains philosophical justification of modern economic theory as well as contemplations on the two possible solutions to the problem of microeconomics justification. The first case describes positivism as microeconomics justification, and the second – phenomenological justification of Austrian political economy. The perspectives of subjective method are given. The main feature of this method is that all the notions in economic theory and in activity theory are received in a deductive way from activity axiom. The very axiom is based on the phenomenological reduction.

Keywords: phenomenology, praxeology, Austrian economics, methodology, psychology.

REFERENCES

- Friedman M. (1994) Metodologia pozitivnoy ekonomicheskoi nauki. [Methodology of Economics]. *THESIS*, no. 4, pp. 20–52.
- Hayek F. A. (1988) *The Fatal Conceit. The Errors of Socialism*. London: Routledge.
- Hayek F.A. (2003) *Conterrevolucia nauki. Etudi o zloupotreblenii razumom*. [Contrerrevolution of Science: Essays on abuses of Reason]. Moscow: OGI.
- Hayek F.A. (2006) *Pravo, zakonodatelstvo i svoboda* [Law, Legislation, and Liberty]. Moscow: Sotsium.
- Huerta de Soto J. (2008) *Sotsializm, ekonomicheski raschet i predprinimatelskaya funkcia* [Socialism, Economic Calculation, and entrepreneurship]. Chelyabinsk: Sotsium.
- Husserl E. (2001^a) *Kartezianskie meditazii*. [Cartesian Meditations]. St. Petersburg: Nauka.
- Husserl E. (2011) *Logicheskie issledovania. T. 1. Prologomeni k chistoy logike*. [Logical Investigations. First Volume. Introduction to the pure logic]. Moscow: Academical Project.
- Husserl E. (2001^b) *Logicheskie issledovania. T. 2. Issledovania po fenomenologii i teorii poznania* [Logical Investigations. Second Volume. Investigations in Phenomenology and Epistemology]. Moscow: Dom intellectualnoy knigi.
- Husserl E. (2004) *Osnovnye problemi fenomenologii* [Basic problems of phenomenology]. St. Petersburg: SPbGU.
- Hyulsman Gv. (2013) *Posledniy ricar liberalisma: zhizn i idei Lyudviga fon Mizesa* [Mises: The Last Knight of Liberalism]. Moscow, Chelyabinsk: Sotsium.
- Mises L. (2005) *Chelovecheskaya deyatel'nost'* [Human Action]. Chelyabinsk: Sotsium.
- Rainah A. (2006) *Apriornie osnovaniya grazhdanskogo prava* [Apriori of Civil Law]. Moscow: St. Thomas Institute.
- Rakviashvili A. (2010) *Liberalism: evolucia idei* [Liberalism: Evolution of Ideas]. Moscow: LENAND.
- Shuts A. (2004) *Smislovoe stroenie social'nogo mira* [Significance of the Structure of Social World]. Moscow: Russian Political Encyclopedia.
- Usanov P. (2010) *Fenomenologia kak metod politicheskoy ekonomii avstriiskoi shkoli* [Phenomenology as a method of Austrian School political economy]. Sub'ektivnaya politicheskaya ekonomia, filosofiya i tvorchestvo [The subjective political economy, philosophy and creativity]. St. Petersburg: Info-da.